

О. Б. Кафанова

ТУРГЕНЕВ и ФЛОБЕР: ТВОРЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ

История взаимоотношений И. С. Тургенева и Гюстава Флобера ярко представлена в эпистолярной, содержащем 235 писем (140 писем Флобера и 95 Тургенева) и запечатлевшем творческий диалог двух писателей на протяжении 17 лет, с 1863 по 1880 годы.

Пожалуй, это эпистолярное общение двух крупнейших художников XIX века, по объему и глубине обсуждения разных проблем, уступает только переписке Флобера с Жорж Санд, которую называют «самой прекрасной перепиской XIX века»¹ (она насчитывает 201 письмо Жорж Санд и 218 писем Флобера). Но взаимоотношения Флобера и Тургенева, отраженные в их письмах, замечательны и уникальны в том смысле, что представляют собой межкультурный диалог, диалог выдающихся художников разных национальных культур и литератур. Богатейший материал переписки включает различные дискурсы, перетекающие один в другой: биографический, критический, эстетический, философский, переводческий. Этот диалог развивался в самой интимной и одновременно публичной формах, поскольку разворачивался в статьях, посвященных друг другу, «открытых письмах», а также во время совместных обедов литераторов и их встреч в Париже, Круассе, имени Жорж Санд Ноане.

Изучение этих дискурсов плодотворно для уточнения поэтики, эстетики, мироконцепции каждого из великих участников диалога, потому что взгляд со стороны, изнутри другой культуры, да еще к тому же взгляд художника, высвечивает много неожиданно нового. Вместе с тем их анализ помогает понять тенденции развития европейской литературы второй половины XIX века.

---

¹ *Jacobs A. Préface // Gustave Flaubert — George Sand. Correspondance / Texte édité, préfacé et annoté par Alphonse Jacobs. P., 1981. P. 7.*

И Флобер, и Тургенев ощущали взаимную потребность друг в друге. Круг тем, которых они касались, — чрезвычайно широк. Он включал бытовые подробности жизни, сведения о близких людях (не случайно Тургенев представил Флобера Полине Виардо, а Флобер включил «великого» Тургенева в число подписчиков на памятник своему другу Луи Буйле). В него входили и раздумья о процессе старения и путях противостояния ему (так называемый старческий или геронтологический дискурс), а также российский или немецкий дискурсы и т. д. Вместе с тем круг интересов таких значительных деятелей культуры, близко связанных друг с другом на протяжении почти двух десятков лет, не мог не включать вопросы, касающиеся путей развития искусства и литературы в целом, а также размышления о собственном творчестве.

Флобер познакомился с «москвичом» (*Moscove*, как он называл Тургенева) 28 февраля 1863 года на литературном обеде в кафе Маньи. С первого дня своего знакомства оба писателя прониклись искренней симпатией друг к другу и начали интенсивно обмениваться своими сочинениями. Тургенев, к тому времени хорошо знавший произведения Флобера (и считавший его роман «Госпожа Бовари» лучшим в современной французской литературе), имел то преимущество, что читал их в оригинале, в то время как Флобер знакомился с сочинениями своего русского друга по французским переводам. Поэтому из поля его зрения выпали лирика, драматургия и критика Тургенева.

После первой встречи русский писатель послал Флоберу свои «Nouvelles scènes de la vie russe», переведенные Делаво. К этому времени Флобер уже прочел «Mémoires d'un chasseur» («Записки охотника», 1854), «Муму», «Фауста» в «Revue des Deux Mondes» (1856) и «Асю», опубликованную под названием «Annouchka, souvenirs des bords du Rhin» («Аннушка, воспоминания с берегов Рейна», 1858). Но со дня личного знакомства Флобер принялся читать Тургенева систематически и в своей переписке выступил тонким критиком его произведений, особенно психологических повестей. Два его первых письма оказались наиболее насыщенными, как если бы он долго копил впечатления и рад был выплеснуть свое восхищение. «Давно уже вы являетесь для меня мэтром», — такими лестными для Тургенева словами начиналось первое письмо.² Флобер сразу понял значение «москвича», которого впоследствии в письмах к другим адресатам называл «скифом», «великим Тургеневым», «гигантом», «колоссом». Он верно подметил главные особенности поэтики своего нового друга: дар наблюдения, идущее от сердца утонченное изображение любви и природы, совершенство стиля и композиции, постоянную эмоциональную насыщенность рассказа.

² Gustave Flaubert — Ivan Tourguénev. Correspondance / Texte édité, préfacé et annoté par Alexandre Zviguilsky. P., 1989. P. 72. Перевод наш. — О. К.

Флобер сразу почувствовал богатство тургеневской словесной палитры. Уже в первом письме он замечал: «Но за что вас недостаточно еще хвалили, это за ваше сердце, за постоянную вашу взволнованность, за какую-то глубокую и затаенную чувствительность». Во втором письме он развил эту мысль: «Больше всего в вашем даровании меня восхищает *благородство*, качество наивысшее. Вы находите средство быть правдивым без банальности, чувствительным без жеманства, комичным без всякой пошлости. Не гоняясь за театральными эффектами, вы достигаете трагического эффекта законченностью композиции. Вы кажетесь мягкосердечным, но вы очень сильный человек. „Под одной шкурой соединяются лиса и лев“, — как говорит Монтень».³

Два писателя тотчас же обнаружили свое сходство: оба были кропотливыми наблюдателями живой реальности, тонкими стилистами, художниками в полном смысле слова. В письме от 16 марта 1863 года Флобер писал: «Меня восхищает ваша манера повествования, одновременно пылкая и сдержанная, ваше сочувствие к людям, которое распространяется и на малых сих и одухотворяет пейзаж. Видишь и предаешься мечтам. <...> ваши „Сцены из русской жизни“ вызывают у меня желание трястись в телеге среди заснеженных полей, под вой волков. От ваших произведений веет едким и нежным ароматом, чарующей грустью, которая проникает до глубины души».⁴

Этот импрессионистический анализ, свидетельствующий о способности к суггестивному восприятию, Флобер заключал восторженной похвалой писательской манере Тургенева, которая выражала суть его поэтики: «Как велико ваше искусство! Какое сочетание растроганности, иронии, наблюдательности и колорита! И как все это связано! Как умело вы подготавливаете свои эффекты! Какая уверенная рука! Оставаясь самобытным, ваше творчество вместе с тем *общезначимо*. Сколько я нашел у вас перечувствованного и пережитого мною самим!».⁵ Из контекста всего письма ясно, что Флобера поражало соединение типичного и глубоко индивидуального в прозе «москвича».

Но при всей восторженности Флобера по отношению к творчеству Тургенева в его критике, как верно подметил А. Звигильский, существовала явная избирательность. Он оставил без всякого внимания и комментария три из шести романов Тургенева, так же как и «Записки охотника»,⁶ несмотря на то, что Жорж Санд, высоко оценившая «Отцов и детей», «Рудина» и «Записки», побуждала и его высказать свое мнение. Но он никак не прореагировал и не прокомментировал свое молчание.

³ Гюстав Флобер о литературе, искусстве, писательском труде. Письма и статьи: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 21.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 22

⁶ Zviguilsky A. Avant-propos // Gustave Flaubert — Ivan Tourguénev. Correspondance. P. 14.

Прежде всего Флобер откликнулся на роман «Накануне», появившийся во французском переводе Делава под названием «Елена». Ему очень понравились образы главной героини, Шубина и других героев. «Читая вас, говоришь себе: „Я через это прошел”», — признавался он в письме от 24 марта 1863 года. В этом произведении Флобера привлек тонкий психологизм, то, что было узнаваемо, передавало пережитое им самим в юности. «Мне также кажется, что страницу 51 никто не прочувствует так, как я. Какая психологическая точность!» — удивлялся он.⁷ На указанной странице он имел в виду, по-видимому, описание внутреннего состояния юной героини, жаждущей любви и стыдящейся этого:

«Son cœur s'allumait et s'éteignait solitairement; elle se débattait, comme l'oiseau dans sa cage, et elle n'avait point de cage; personne ne la contraignait, personne ne la retenait, et elle s'agitait et s'épuisait pourtant. Quelquefois elle ne se comprenait pas et se craignait elle-même. Tout ce qui l'entourait lui paraissait inepte ou incompréhensible. Comment vivre sans amour? Mais qui aimer? se disait-elle; et elle s'épouvantait à cette pensée et aux sentiments qui l'inspiraient. A l'âge de dix-huit ans, elle fallait mourir d'une fièvre nerveuse; son organisme, naturellement sain, en fût profondément ébranlé, et elle se rétablissait lentement <...>».⁸

Но из всех тургеневских романов Флоберу, по-видимому, особенно нравился «Дым»; правда, письмо с анализом этого романа не сохранилось, но есть благодарность Тургенева за лестный отзыв. Кроме того, Флобер рекомендовал читать это произведение своим близким знакомым. Можно предположить, что другие романы были для него менее интересными, потому что отражали идеологию, социальные проблемы времени, а это претило эстетизму Флобера. Что касается «Дыма», то, несмотря на идеологичность, присущую и этому произведению, история любви Ирины и Литвинова выписана в духе любовных коллизий самого Флобера (а не в качестве главного элемента усадебного сюжета). Флобер даже позаимствовал символ дыма для своего «L'Education sentimentale», в котором описание дыма поезда играет ту же самую роль: обозначает эфемерное существование человека. Со своей стороны, Тургенев особенно ценил роман «L'Education sentimentale», напомиравший ему личную историю: платоническая любовь Фредерика Моро к мадам Арну походила на его нерасторжимую связь с Полиной Виардо.

Вместе с тем относительное равнодушие Флобера к романному творчеству «москвича» можно объяснить еще и тем, что эпическая манера Тургенева не вполне удовлетворяла «нормандца», привыкшего тщательно и объективно выписывать все детали материального характера.

⁷ Гюстав Флобер о литературе... С. 23.

⁸ *Tourguénief I. Nouvelles scènes de la vie russe. Eléna. Un premier amour / Traduction de H. Delaveau. P., 1863. P. 51.*

Наконец неожиданно Флобер очень высоко оценил «Новь», произведение не менее, а возможно, и более идеологичное, чем, например, «Отцы и дети». Может быть, это был акт моральной поддержки старого друга, роман которого не приняла русская критика. Однако можно также допустить, что именно Флобер понял произведение Тургенева как роман нового типа в его творчестве. Он заметил, что, отказавшись от усадебного сюжета, русский писатель очень тщательно, с эпическими подробностями изобразил новую социально-историческую ситуацию, ситуацию, которая психологически была ему чужда и которую поэтому он особенно тщательно выписывал как сторонний наблюдатель. Во всяком случае, Флобер утверждал, что «безделица» Тургенева — «сущий шедевр». «Если это свидетельство упадка, как считают ваши соотечественники, — продолжайте „упадать“ и дальше, — остроумно замечал он в письме от 26 января 1877 года. — Как это своеобразно и хорошо построено! Ни одного лишнего слова! Какая подспудная сила! Вот это перо мастера! Я просто в восторге. Совершенно серьезно, без всякой лести, по-моему, это первоклассно!»⁹ Подобные дифирамбы роману продолжались и в следующем письме от 10 мая 1877 года.

Тургенев дорожил мнением «нормандца» и свою признательность выразил в поэтически-метафорической форме: «...я чувствую, что перед моей картиной остановился большой мастер, взглянул на нее и удовлетворенно кивнул головой», — писал он 14 (26) мая 1868 года в ответ на похвалу «Дыму».¹⁰

Флобер назвал и конкретные повести, которые его особенно тронули: «Яков Пасынков», «Три встречи», «Дневник лишнего человека». Разумеется, в ответном письме Тургенев признавался, как он горд и как «краснеет» от этих похвал.

Что касается «Первой любви», то в ней Флобер увидел историю, пережитую одним из своих близких друзей: «Все старые романтики (и я, спавший с кинжалом под головой), должны быть вам признательны за этот маленький рассказ, который так много говорит им об их юности». Большим достижением Тургенева Флобер считал создание женских образов, земных и одновременно возвышенных. «Какая зажигательная девушка эта Зиночка! — писал он. — Одно из ваших качеств — умение создавать женщин. Они идеальны и реальны в одно и то же время. Они обладают притягательной силой и окружены сиянием».¹¹ Позднее Флобер будет как о потрясении писать о своем восприятии «Несчастной» («Abandonnée»), об удивительном чувстве грусти от «Вешних вод».

Бурный отклик Флобера вызвал и сборник повестей, вышедший на французском языке в 1873 году под названием «Etranges histoires» («Странные истории»). Особенно ему понравились повести «Стук... стук... стук!...» (во французском переводе «Тос... тос... тос...») и «Не-

⁹ Гюстав Флобер о литературе... С. 189.

¹⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 266. Подлинник по-франц.

¹¹ Гюстав Флобер о литературе... С. 23.

счастливая» («Abandonnée»). «Какой же вы великанище, — восхищался Флобер в письме от 31 мая 1873 года. — Не знаю других ваших творений, где бы вы высказали себя большим поэтом и психологом. Это чудо! Шедевр! И какое искусство! Какая тонкость исполнения за этой наружной свободой!».¹²

Со своей стороны, Тургенев искренне интересовался творческим процессом французского мэтра. Все созданное Флобером с конца 1860-х годов проходило на его глазах. Поскольку «нормандец» писал мучительно долго, шлифуя каждую фразу, он любил читать «москвичу» фрагменты своих произведений. Тургенев неизменно подбадривал сомневающегося Флобера. «Если весь ваш роман так же силен, как те его отрывки, которые вы мне читали — вы, по всей вероятности, создали шедевр — это говорю вам я», — писал Тургенев 12 (24) ноября 1868 года по поводу «L'Education sentimentale». В постскрипуме он, правда, добавил, что нужно найти другое название, находя нынешнее «неудачным».¹³

Флобер, как известно, оставил первоначальное название, но в целом очень дорожил этими «читками», о чем свидетельствуют многочисленные письма и записочки по поводу встреч ради чтения. Встречи, на которых предполагалось обсудить повести «Искушение святого Антония», «Иродиада», «Простое сердце» и особенно роман «Бувар и Пекюше», много раз откладывались в связи с обострениями болезни Тургенева или по причине его занятости, что приносило настоящие страдания Флоберу. Ему был очень интересен Тургенев-критик, но «Литературные и житейские воспоминания» так и не появились на французском языке. Тем не менее, узнав о работе над ними, «нормандец» выразил уверенность в их значительности: «Горю желанием познакомиться с вашей литературной критикой, ибо это — критика писателя, практика, что очень важно. Во всем, что пишут мои друзья, Сент-Бёв и Тэн, меня коробит то, что они недостаточно принимают в расчет Искусство, само произведение, композицию, стиль, короче то, что составляет Прекрасное. Во времена Лагарпа критик был грамматистом, ныне он историк, — вот и вся разница, — писал он 2 февраля 1869 года. — Вы столь пылки и незаурядны в своих чувствах, что и критика ваша окажется под стать вашим творениям, уверен в этом».¹⁴

Флобера явно не удовлетворял распространившийся позитивистский подход к эстетике и литературной критике, и Тургенев в устных беседах, по-видимому, давал столь необходимый и недостающий ему эстетический взгляд. Десятки писем свидетельствуют о его желании поскорее встретиться с «москвичом» и почитать фрагмент нового произведения. Яркое описание одной из подобных встреч Флобер дал в письме к Жорж Санд от 2 июля 1870 года: «Вчера провел чудесный день с Тургеневым, которому прочитал все написанные мною сто пят-

¹² Там же. С. 123.

¹³ ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 273. Подлинник по-франц.

¹⁴ Гюстав Флобер о литературе... С. 22.

надцать страниц „Святого Антония”. После сего я ему прочел еще чуть ли не половину „Последних песен”. Какой это слушатель! И какой критик! Он поразил меня глубиной и точностью суждений. Ах, если бы все те, кто берется судить о книгах, могли его послушать! Какой бы это был для них урок! Ничто не ускользает от него. Прослушав стихотворение в сто строк, он помнит, где в нем встретился слабый эпитет <...>». ¹⁵

С каждым годом эта потребность в дружеском общении, основанном на взаимопонимании и общности вкусов, возрастала. Произошло неожиданное: представитель чужой культуры стал для Флобера более «своим», чем его французские приятели (Золя, Доде, Гонкур и др.). Поразительное признание делает он в письме к Тургеневу от 10 июля 1878 года, приглашая его в свое имение: «Приедете ли вы ко мне этой осенью? Вы ведь несносны с вашими постоянными разговорами об отъезде. Если вам не удастся пробыть у меня меньше недели, можете и вовсе не приезжать! А между тем какой радостью для меня было бы видеть вас здесь, дорогой мой старик. Ведь зимой нам приходится видеться в малоблагоприятных условиях, то есть в присутствии других. Наши приятели — милые люди, но... словом, все они — не вы». ¹⁶

К концу 1870-х годов, когда Флобер утратил всех своих друзей юности, Тургенев стал самым близким ему человеком. Его письма с просьбой о приезде, особенно во время вынужденного «заточения» в Круасе из-за вывиха ноги, звучат как мольба:

«Никогда еще не было у меня такой потребности в ком-либо, как теперь в вас. Общество моего дорогого Тургенева благотворно действует на мое сердце, на ум и на нервы» (22 декабря 1878 г.); ¹⁷

«Работаю я как вол. Я должен буду прочитать вам три главы о Литературе, о Политике и о Любви!»; ¹⁸

«Сообщите же мне скорей, когда я буду иметь счастье обнять моего дорогого Тургенева <...> Устройте свои дела так, во-первых, чтобы побыть некоторое время под моим кровом, — ведь нам о стольком нужно поговорить! — и, во-вторых, я должен прочитать вам три главы» (9 апреля 1879 г.). ¹⁹

Так и не дождавшись Тургенева в назначенный день, Флобер пишет пронзительно-грустное письмо, глубоко растрогавшее «провинившегося»:

«Нет, бранить я вас не стану, но если бы вы только знали, до какого нервного состояния вы доводите меня, у вас были бы угрызения совести <...> Ваши объяснения кажутся мне смехотворными, дорогой друг. Я, например, полагаю, что юный Виардо прекрасно мог бы играть на

¹⁵ Там же. С. 103.

¹⁶ Там же. С. 212. В русском переводе этого фрагмента дана калька с французского: «никто из них — не вы».

¹⁷ Там же. С. 218.

¹⁸ Там же. С. 220.

¹⁹ Там же. С. 233.

скрипке без вас и ваше присутствие не так уж ему необходимо», — горько сетует Флобер в письме от 27 апреля 1879 года. И вновь, уже не без колкости, объясняет, что ему не нужна шумная веселая компания французских литераторов, а нужен один Тургенев, единственный для него душевно близкий человек: «Неужели вы, дорогой мой старик, не поняли, что вся моя радость от свидания с вами была бы испорчена, если вы приехали бы вместе с другими. Нельзя же обнажать душу на людях, черт вас возьми! Впрочем, вы ведь любитель публичных увеселений, у вас, как видно, все пороки».²⁰

Тургенев был очень тронут этим проявлением искренней привязанности: 4 мая 1879 года он приехал в Круассе и пробыл у Флобера два дня. В последние годы их общения он стал особенно внимательным к своему французскому другу, который был вынужден отдать свое состояние племяннице. Время от времени он стремился порадовать его разными лакомствами (семга, шпроты, «шведская рыба») или дорогими подарками (шелковый халат), а также хлопотал о получении хорошо оплачиваемой должности библиотекаря. Тургенев понимал, что эстет и тонкий стилист Флобер менее всего может заработать на жизнь литературным трудом.

Другим способом поддержки Флобера, позднее творчество которого не имело успеха во Франции, Тургенев избрал сообщения (иногда весьма преувеличенные) о его международной известности. Укреплению этой известности во многом способствовал он сам.

Так, например, он спешил уведомить своего друга о хвалебной статье А. С. Суворина по поводу «L'Education sentimentale»,²¹ посылал ему немецкие отзывы (Ю. Шмидта и др.) на его сочинения²² и т. д.

Было бы, однако, ошибочным считать, что Тургенев руководствовался только человеческим участием. Флобер был ему нужен как критик и вдумчивый ценитель его произведений. «В наше время, — замечал Тургенев в письме от 14 (26) мая 1868 года, — нет художника — который в то же время не был бы критиком. В вас художник очень силен — и вы знаете, как я восхищаюсь им и как его люблю; но я также высокого мнения о вас как о критике и счастлив заслужить его одобрение».²³

Обмен впечатлениями по поводу конкретных произведений литературы незаметно перерастал в размышления о путях развития искусства, о предназначении художника, о философии жизни. Тургенев касался вопросов, которые подробно обсуждались в переписке Флобера с Жорж Санд. И его удручали низкий уровень массового вкуса, расцвет второсортной и третьесортной литературы во Франции Наполеона III, но он относился к этим явлениям спокойнее. Совершенно сходясь с Флобером в неприятии модных драматургов, мастеров «хорошо сде-

²⁰ Там же. С. 235–236.

²¹ ПССИП(2). Письма. Т. 10. С. 134.

²² Там же. С. 146.

²³ Там же. Т. 8. С. 265–266. Подлинник по-франц.

ланной пьесы», среди которых были А. Дюма-сын, Сарду, Вагри и даже Оффенбах, он полемизировал с ним по поводу их оценки.

Предметом специального исследования может стать критическая оценка обоими писателями творчества Э. Золя, А. Доде, входивших в постоянный круг общения Флобера и Тургенева.

В целом Флобер во многом способствовал упрочению литературной репутации Тургенева во Франции, его сближению с Жорж Санд, признанию в кругу молодых литераторов «новой школы» (Э. Золя, Ги де Мопассана, А. Доде). Тургенев, в свою очередь, много сделал для популяризации творчества Флобера в России.

Однако сходство мнений по многим проблемам не исключало более или менее явной полемики, особенно проявившейся со стороны Тургенева по отношению к циклу Флобера «Trois contes» («Три повести»).

Скепсис Флобера по поводу возможности существования человека парадоксальным образом соединялся у него с интересом к идеальным героическим явлениям, что побудило его обратиться к теме святости в повестях «La Légende de Saint Julien l'Hospitalier», «Un cœur simple» и «Hérodias» (1877). Экстраполируя поиск идеала на современность, он невольно вступил в полемику с Тургеневым, а именно с его рассказом «Живые мощи» (1874), хорошо известным во Франции в переводе на французский язык («Relique vivante»). Изображая свое представление о святости в конкретных героинях, Лукерья и Фелисите, оба писателя имели в виду один и тот же адресат — Жорж Санд. Тургенев, после того как она восторженной похвалой откликнулась на его произведение, очень сожалел, что под влиянием Л. Виардо снял свое посвящение писательнице. Флобер опоздал со своим посвящением, поскольку повесть «Un cœur simple» появилась уже после смерти Жорж Санд.

В представлении Тургенева категория святости — нечто высокое, свободное, героическое; это способность индивида достойно реализовать свое предназначение в универсальной ситуации существования. Такой же смысл писатель вложил позже в выражение «Жорж Санд — одна из наших святых» (статья-некролог).²⁴ Если тургеневская Лукерья несет в себе пафос оптимизма, жажду самопожертвования ради людей, то флюберовская Фелисите воплощает отказ от собственной индивидуальности, аскезу. Различие героинь обусловлено различной природой гуманизма двух авторов.

По-видимому, не столько цензурные условия, сколько несогласие с концепцией Флобера побудило Тургенева отказаться от первоначального плана перевести повесть на русский язык (что подтверждается и его иронической характеристикой героини).

Что касается переводов двух других повестей («Легенда о Святом Юлиане Милостивом», «Иродиада»), то, несмотря на бурную полемику по поводу их адекватности в 1930-е годы (в которой приняли участие М. Волошин, М. Клеман, М. Эйхенгольц, Н. Соболевский, Н. Сла-

²⁴ Там же. Соч. Т. 11. С. 192.

вятинский),²⁵ они, на наш взгляд, являются удачной попыткой Тургенева войти во внутренний мир и передать стиль одного из самых сложных европейских авторов. До сих пор эти переводческие опыты остаются интереснейшей страницей как русской рецепции Флобера, так и творческого развития самого Тургенева.

Тургенев был очень доволен своей работой. По поводу перевода «Легенды» он признавался 26 марта (10 апреля) 1877 года М. М. Стасюлевичу: «...я так старательно отчеканил эту вещь, что не желаю оставить ни одного пятнышка. Могу прибавить, что изо всей моей литературной карьеры я ни на что не гляжу с большей гордостью — как на этот перевод. Это был *tour de force* — заставить русский язык схватиться с французским — и не остаться побежденным. Что бы ни сказали читатели — я сам собой доволен и глажу себя по головке».²⁶

Одним из самых важных вопросов, возникших в переписке Флобера и Тургенева, стал вопрос о месте и роли читателя в процессе создания произведения искусства. Как большой художник должен реагировать на непонимание, глупость читателя — вопрос, очень мучивший Флобера. Что нужно противопоставить равнодушию публики, чтобы не опустить руки и все-таки продолжать писать? Эту проблему Флобер очень подробно и доверительно обсуждал с Жорж Санд (переписка с которой началась в том же году, что и с Тургеневым, а с 1872 года два параллельных диалога слились в единый полилог). Это была «большая» для Флобера тема, обсуждение которой он на протяжении нескольких лет вел одновременно с двумя своими друзьями. Жорж Санд очень просто и ясно объяснила свое понимание вопроса, мучившего Флобера: как преодолеть конфликт между писателем и читателем, или в более широком смысле — конфликт между художником и публикой. Для кого нужно писать? Для избранных десяти человек, которые вас поймут, по мнению Флобера? Жорж Санд знала другой ответ:

«Пишут для всех, для всех, кто нуждается в приобщении. Когда ты не понимаешь, ты смиряешься и начинаешь снова. Когда тебя понимают, ты радуешься и продолжаешь. В этом весь секрет наших упорных трудов и нашей любви к искусству. Что это было бы за искусство без сердец и умов, к которым его обращаешь? Оно уподобилось бы солнцу, которое не испускает лучей и не дает ничему жизни. <...> И если настоящее бесплодно и неблагодарно, если теряешь всякую активность, всякое доверие к публике, служа ей, насколько это в твоих силах, остается упование на будущее, которое поддерживает мужество и залечивает всякую рану, нанесенную себялюбью».²⁷

Флобер, казалось бы, был равнодушен к читательскому успеху своих произведений. Но когда процесс конфликта с публикой затянулся, он впал в настоящую депрессию. Он не мог простить равнодушия к сво-

²⁵ См.: Клеман М. И. С. Тургенев — переводчик Флобера // Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1934. Т. 4. С. 133–149.

²⁶ ПССУП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 131.

²⁷ Gustave Flaubert — George Sand. Correspondance. P. 84. Перевод наш. — О. К.

ему роману «L'Education sentimentale». Тургенев подбадривал своего друга, но понимал, что настоящий художник не может долго жить без успеха, означающего понимание и признание его творческих открытий другими. Он очень надеялся на читательское признание «Искушения Святого Антония». 8 (20) февраля 1870 года Тургенев писал: «Да, конечно, к вам были несправедливы, но наступил час, когда надо собраться с силами и обрушить на голову читателей подлинный шедевр. Ваш „Антоний” может сыграть роль такого бульжника. Не мешкайте с этим: вот мой постоянный припев. <...> Если ваша книга увлечет хоть десяток людей сколько-нибудь стоящих — то и этого будет достаточно. Вы понимаете, я говорю это не для того, чтобы утешить вас, а для того, чтобы воодушевить».²⁸

Когда надежда на успех и этого произведения не оправдалась, Тургенев переложил ответственность за провал на недостаточно развитого читателя. В июньском письме 1874 года он замечал: «Решительно, „Антоний” не для широкой публики: обыкновенные читатели в ужасе от него отшатнулись — даже в России. Я не думал, что соотечественники мои такие жеманные. Тем хуже! Но „Антоний” — книга, которая будет жить — несмотря ни на что».²⁹

Но потеря связи с читателем может возникнуть и по вине самого художника. Тургенев понимал, что в своих экспериментах с объективным методом Флобер перестает учитывать не только вкусы массового читателя, но и элементарные законы восприятия. Это не могло не беспокоить русского писателя, с тревогой следившего за претворением замысла «Буvara и Пекюше». Своей тревогой он делился с И. Тэнном и Э. Золя. Пребывание Флобера в горах Швейцарии он советовал ему использовать для «того, чтобы придумать нечто захватывающее, жгучее, пламенное». В этом же июльском письме 1874 года Тургенев попытался робко скорректировать план последнего романа.³⁰

Флобер, как известно, задумал создать монументальное эпическое произведение, в котором сама композиция и подбор фактов должны были продемонстрировать как ограниченность отдельного заурядного человека, стремящегося к знанию, так и несовершенство самого знания, воплощенного в разных науках и искусствах, дающих противоречивые результаты. Тургенев советовал трактовать этот сюжет в духе Свифта или Вольтера, но Флобер упрямо настаивал на своем замысле серьезного и даже «устрашающего» произведения. Он умер, написав только первый из двух задуманных томов, и Тургенев считал, что этот роман убил его друга.

Таким образом, равнодушие художника к читателю — химера, и затянувшееся непонимание автора и публики чревато драматическими или даже трагическими последствиями.

²⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 10. С. 318. Подлинник по-франц.

²⁹ Там же. Т. 13. С. 295. Подлинник по-франц.

³⁰ Там же. С. 311. Подлинник по-франц.

Но, пожалуй, главный вопрос, который обсуждали три художника, заключался в проблеме соотношения субъективного и объективного в искусстве. Как преодолеть разрыв между объективной, бесстрастной манерой повествования, свойственной Флоберу, и романтической субъективностью Жорж Санд? Санд выражала свое искреннее недоумение в письме к Флоберу в декабре 1866 года: «Ничего не вкладывать из своего сердца в то, что пишешь? Я совсем не понимаю, совсем ничего. <...> Разве можно отделить свой ум от сердца, разве это нечто отличное? Разве само ощущение может себя ограничить <...>. Наконец, не высказываться полностью в своем сочинении мне кажется так же невозможно, как плакать с помощью чего-то другого, нежели глаза, и думать с помощью чего-то другого, нежели мозг».³¹ Флобер пытался объяснить, что он неправильно выразился, что он имел в виду научность и безличность искусства, скрытность личности автора. Но непонимание осталось.

Ответ на этот вопрос дал своим творчеством Тургенев. Он примирил, казалось бы, непримиримое. Русский писатель продемонстрировал, что можно высказывать свое сочувствие (сердце) к изображаемому, чего так недоставало Санд в сочинениях Флобера, и в то же время оставаться на почве реальности и эстетизма, что так ценил Флобер. Одни и те же произведения Тургенева вызывали единодушный восторг обоих, они даже пользовались одинаковой лексикой для его выражения: глаголом *dévoier* (проглотить), эпитетами *charmant* (очаровательный), *beau* (прекрасный), *chef-d'œuvre*.

В творческой манере своего русского друга Флобер нашел то единство противоположностей, которые разделяли его с Жорж Санд, то есть гармонию между субъективным и объективным началами в искусстве. Стремясь к созданию предельно бесстрастных произведений, исключая авторскую оценку изображаемого и романтическую субъективность, Флобер неожиданно нашел в Тургеневе синтез правды жизни и лиризма, самого строгого реализма и поэзии. Русский писатель продемонстрировал, что можно оставаться на почве реальности и одновременно наполнять повествование разнообразной гаммой чувств от иронии и гротеска до возвышенного лиризма. Искренняя восторженность Флобера, а позднее и Жорж Санд по поводу творчества Тургенева наводит на мысль, что оно явилось для них обоих неким идеалом, примирившим их долгие споры.

---

³¹ Gustave Flaubert — George Sand. Correspondance. P. 107.